

ФОРМЫ КАУЗАТИВА И ПРОБЛЕМА ПОБУДИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье предпринята попытка проследить образование, значения и употребление каузативных глагольных форм и их взаимосвязь с категорией побудительного залога¹.

Теория залога в общем языкознании имеет длительную историю, и залогам посвящено немало специальных исследований. Знакомство с литературой, где рассматривается категория залога в различных языках, приводит к выводу, что по данному вопросу у лингвистов отсутствует единая точка зрения. Это связано как с особенностями структуры того или иного языка, так и с различным подходом к определению данной языковой категории. Одни исследователи считают залог только морфологической категорией, другие наделяют его признаками трех языковых уровней – лексического, морфологического, синтаксического, третьи относят залог к категории лексико-морфологической.

В исследованиях, посвященных описанию грамматического строя монгольских языков, в том числе глаголу и его грамматических категорий, также отсутствует единство взглядов в характеристике и сущности залогов (Г.Д.Санжеев, К.С. Ивченков, Ц.Б. Цыдендамбаев, Е.А. Кузьменков, Р.П.Харчевникова).

Так, Г.Д. Санжеев, много внимания уделявший исследованию глагола и, в частности, залогов, писал: «Несмотря на то, что монгольские языки давно уже стали объектом пристальных и кропотливых лингвистических изысканий в трудах главным образом наших отечественных языковедов, нельзя сказать, чтобы в вопросе о залогах в этих языках была достигнута достаточная четкость и необходимая ясность» [Санжеев 1963, 12]. Под категорией залога ученый понимал «такое оформление глагольной основы, которое показывает отношение действия к субъекту, выраженному в подлежащем», а различие между залогом и видом монгольского глагола он видел в том, что «образование залоговых основ представляет собой образование новых глагольных основ, новых глаголов, новых лексических единиц, – иными словами, залог не является формой глагола». Категории залога и переходности-непереходности названы им категориями «лексико-грамматическими», тогда как категории времени, вида, наклонения и лица – «грамматическими» [Санжеев 1963, 9-18]

Другие монголоеды, напротив, считают, что залог есть «формообразовательная категория глагола, частично выражающая в нем синтаксиче-

¹ К исследованию привлечены тексты старописьменного монгольского языка и текст «Сокровенного сказания монголов»

ские субъектно-объектные отношения в предложении и словосочетании» [Наделяев 1954, 58]

П. Бямбасан, исследовавший категорию залога в родном языке, пришел к выводу, что залог в монгольском языке – формообразующая словоизменительная категория [Бямбасан 1970, 230-231]

Залог в бурятском языке Ц.Б. Цыдендамбаев определяет как сложную категорию, носящую смешанный ярко выраженный лексико-грамматический характер, а «главное в залоге – это направленность действия на объект или субъект. Иными словами, залог выражает отношение действия, обозначенного глаголом, к объекту или субъекту, обозначенному именем» [Цыдендамбаев 1979, 84-85].

В 70-х годах распространенной теорией залога в отечественном языкознании стала теория, созданная на основе изучения соотношения семантики и синтаксиса в их взаимодействии [Апресян 1974; Бондарко 1976; Холодович 1979].

Хотя привычные представления о залогах, основанные на принципах общего языкознания, не во всем приемлемы по отношению к монгольским языкам, тем не менее в последние годы и в монголоведении к определению монгольского залога стала применяться теория функционально-семантических полей, развиваемая на материале славянских языков, в которой понятийную основу поля залоговости составляет отношение понятия действия к семантическому субъекту и к семантическому объекту [Харчевникова 1996, 13]

В определении залога мы исходим из того, что залог как лексико-грамматическая категория представляет собой единство лексического значения и формальных грамматических средств. Но лексические и формальные грамматические признаки не достаточно релевантны для этой категории, ибо залоговая сущность глагола в полной мере проявляется только в определенных синтаксических конструкциях. Глагольная форма сама по себе, при любом способе ее морфологического оформления, не может быть определена с залоговой точки зрения и не выражает залогового значения вне ее связи с другими структурными элементами предложения. Значение залога как лексико-грамматической категории проявляется в наличии субъектно-объектных отношений, что и получает свое выражение в соответствующей (залоговой) глагольной форме и в структурном оформлении предложения в целом. Если конкретным субъектно-объектным отношениям соответствует определенная глагольная форма, такие отношения будут называться залоговыми. При изменении субъектно-объектных отношений изменяется и залог. Залоговые формы не изменяют основного лексического содержания его основы, а придают ей лишь новые аспекты грамматических явлений. Залоговые конструкции – это те, у которых позицию сказуемого занимает снабженная специальными суффиксами глагольная форма, выражающая отношение действия к субъекту-подлежащему или субъектно-объектные отношения в предложении

и которые будут структурно отличаться от «простого» построения. Ср.: халх. *Би ном уншна* 'Я буду читать книгу' и *Ах намайг ном уншуулна* 'Брат заставит меня читать книгу'. Здесь субъект-подлежащее исходной конструкции превращается в каузируемый объект действия, т.е. нарушается порядок, при котором субъект-подлежащее сам выполняет действие, что свойственно «простому» построению.

В монгольских языках категория залога тесно связана с лексико-грамматическими разрядами переходных–непереходных и активных–пассивных основ, подробно исследованных в трудах Г.Д. Санжеева и Ц.Б. Цыдендамбаева. Но сами по себе эти разряды не образуют и не определяют залогов, а имеют с последними лишь опосредствованную связь по линии выражения отношения действия к его субъекту (непереходность) или объекту (переходность).

Категория переходности–непереходности представлена в первичной лексической глагольной основе без какого-либо специального морфологического оформления. Лишь небольшое количество монгольских глаголов могут содержать к себе как переходное, так и непереходное значения, например, глагол *törökü* 'рожать', но и 'рождаться'.

Любой непереходный глагол при присоединении к нему суффикса каузативности превращается в переходный.

Семантика «каузативности» значительно шире понятия «категория побудительного залога». Формы каузатива заслуживают особого внимания, так как они отличаются своими значениями и своеобразным синтактико-стилистическим использованием. Монгольские каузативные глагольные формы представляют собой второобразные глагольные основы с особыми суффиксами. Регулярность морфологического выражения каузативного значения не исключает полисемантизма производных с данными суффиксами. Наряду с образованием залоговых конструкций эти суффиксы создают как переходные глаголы от непереходных, так и участвуют в лексико-семантических модификациях производных основ по сравнению с основами производящими. При этом существуют лексические ограничения при образовании производных глаголов – новых лексических единиц, и в меньшей степени такие ограничения касаются производства переходных глаголов от непереходных. Как писал Г.Д. Санжеев: «...глагол в побудительном залоге всегда является переходным и что, независимо от того, идет ли речь о лице или предмете, непереходный глагол в этом залоге становится переходным. Но сказанное отнюдь не следует понимать в том смысле, что побудительный залог, вообще, есть способ превращения непереходного глагола в переходный...» [Санжеев 1947, 96].

Суффиксы, сообщающие глагольным основам каузативное значение и участвующие в построении побудительных залоговых конструкций, не име-

ют такой степени универсальности, как другие суффиксы: страдательного (-*da*, -*ɣda*), совместного (-*lča*) и взаимного (-*lda*/*ldu*) залогов.

К каузативным суффиксам принадлежат: -*ɣul*/*-gül* (В «Сокровенном сказании» – -*'ul*/*'ül*), -*lɣa*/*lge*; -*ɣa*/*ge*; -*qa*/*ke*; -*ya*/*'ā*. При этом наиболее распространенным из них как в древнем, так и современном языке является -*ɣul*/*-gül* (В «Сокровенном сказании» – -*'ul*/*'ül*). Суффикс -*lɣa* в тексте «Сокровенного сказания» вообще отсутствуют. Глаголы с суффиксами -*ɣul* и -*lɣa*, как правило, и участвуют в построении побудительных залоговых конструкций.

Монгольский побудительный залог назван «одним из любопытнейших явлений в системе грамматического строя монгольского языка» [Ивченков 1958, 126]. Г. Д. Санжеев справедливо указывал на то, что «побудительный залог имеет бóльшую неопределенность, чем страдательный залог. Конкретное значение глагола в побудительном залоге выявляется лишь в зависимости от данного лексико-синтаксического окружения». А «то, что в наших (монгольских. – *М.О.*) грамматиках называется побудительным залогом, на деле оказывается конгломератом самых разнообразных форм» [Санжеев 1941, 62, 65].

Залоговое значение определяется не одним морфологическим показателем каузативной глагольной формы, а структурой предложения в целом, совокупностью всех его грамматических признаков – падежным оформлением имен, обозначающих действующих лиц, которыми управляет каузативная глагольная форма. Этой форме должны соответствовать конкретные субъектно-объектные отношения. Значение побудительности, заключенное в предложении, предполагает наличие определенных отношений между членами предложения: субъектом и объектом – реальным исполнителем обозначенного каузативной глагольной формой действия. Изменение функции имени субъекта-подлежащего сопровождается изменением и его падежной формы. Основной доминирующей стороной оппозиции актив–неактив является сторона синтаксическая, морфологические признаки обслуживают синтаксические конструкции – активную и побудительную. Бинарное противопоставление этих двух конструкций обусловлено противоположением синтаксических конструкций.

Суть побудительного залога составляет трехчленная морфологическая система и бинарная оппозиция активной и каузативной синтаксических конструкций. Активной будет конструкция, где носителю глагольного действия – сказуемому соответствует логический субъект-подлежащее и (не всегда обязательные синтаксические признаки актива) прямое и косвенное дополнения. Ср. халх.: *Бат худаг хурзаар малтав* 'Бат копал лопатой колодец' и *Бат оров* 'Бат вошел'.

Иные признаки присутствуют при побудительном залоге: в структуре предложения появляется еще одно действующее лицо – каузатор обозначен-

ного в глагольной основе действия. Подлежащее-субъект актива превращается в агенса – реального исполнителя этого действия, который оформляется в монгольских языках винительным или некоторыми косвенными падежами. При активе действие исходит от самого участника ситуации, являющегося носителем глагольного действия, при побудительном залоге оно направлено на него. И все это находит свое морфологическое оформление как в глаголе – суффиксы каузативности, так и в именах – главных действующих лицах данной ситуации.

В побудительном залоге цель каузативного преобразования состоит в представлении исходной ситуации так, чтобы инициатива в осуществлении обозначенного в глагольной основе действия принадлежала особому участнику ситуации – каузатору. Каузация содержит в себе широкий спектр – от приказа и повеления до дозволения и попустительства. Это определяется соотношением лексических компонентов данной ситуации: глагольного действия, исполнителя действия и его каузатора, роль которого в качестве агенса – реального исполнителя действия выявляется на формальном уровне, путем присвоения ему статуса субъекта, оформленного, как правило, именительным падежом.

В старописьменных монгольских текстах можно обнаружить несколько типов побудительных залоговых конструкций в зависимости от того, насколько эксплицированы в них члены – участники данной ситуации, ибо при необходимом наличии трех компонентов иногда может присутствовать только каузативная глагольная форма, тогда как подлежащее-субъект (инициатор действия) или агенс – реальный исполнитель действия могут оказаться не эксплицированными, хотя и легко выявляются из предыдущего предложения или ближайшего контекста.

Наиболее полно семантические особенности побудительного залога с суффиксами *-yul/-'ul* или *-lyu* реализуются в двуагенсах конструкциях, в которых присутствуют каузирующий и каузируемый субъекты.

I – Присутствуют все компоненты побудительной конструкции, при этом субъект-подлежащее оформлен именительным падежом.

А) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен винительным падежом: *Čnggis qahan niken üdür Büri bökö Belgütei qoyar-i abaldu'ulhaya ke'eba* (Сок. ск., §140) 'Чингис-хан однажды заставил Бури-бохо и Бэлгүтэй'я побороться'; *Teb Inгри namayi namančilayulun bölüge* (АТФ, 3051) 'Теб Тэнгри принудил меня поклониться'.

Б) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен дательным-местным или местным падежами: *Dörbei... ere-tür harban müsüt ürge'ülju süke uqali kirü'e si'üči ere-yin jer jebseg jasa'ulju hula'an buqa-yin yabuqsan mör-iyer mörtür bayuqsan modut hoqtočin čabči'ulju kirügede'ülju...* (Сок. ск., §240) 'Дорбэй... приказал каждому мужчине нести по десять прутьев, вооружиться (сделать оружием) топором, теслом, пилой, долотом, продвигаясь тропой

Красных быков, велел срубить и спливать встречавшиеся на пути деревья...'; ...*mön Jelm öbesüben kü usun erij ü abčiraǰu (abču) taray jiyuraǰu qayan-a uuyulγaba* (АТФ, 1355) '... этот самый Дзэлмэ нашел и принес воду, разбавил тарак (вид простокваши. – М.О.) и предложил выпить хану'.

В) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен орудным падежом: *Doγolang günjī egeči inu Barsu Bolad jonong-yi... ede doluyan kümün-iyer kürgegülbei* (АТФ, 5012-5013) 'Его старшая сестра Доголанг-гунджи приказала этим семерым людям доставить джононга Барсу-Болода'; *Qatun-u tere ügen-tür qayan jöbsiyej ü Toγon tayisi-yi Salamučin Sayimučin neretü qoyar elčiber yaǰar-tu inu kürgegülbe* (АТФ, 4398) 'Хан согласился с теми словами ханши и приказал двум своим гонцам по имени Саламучин и Саймучин доставить Тогон тайши в его земли'.

II – Подлежащее–субъект в данном конкретном предложении отсутствует, но его можно вычислить из окружающего контекста или представить как некое абстрактное лицо.

А) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен винительным падежом: ...*Soqor elči-yi inu askiǰu jöbayan emegel inu ürgügüljü qariyuljuqui* (АТФ, 3008) '[Тэб Тенгри] посланца Сохора мучил и избивал, а потом заставил вернуться и нести за спиной седло'; *Sayid kö'üd-i anu sibawu-ban bari'ulju daqa 'ulju yabuqtun* (Сок. ск., §266) '[Чингис-хан приказал:] «Пусть их лучшие сыновья следуют за вами и пусть держат в (руках) своих птиц»'.

Б) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен дательном-местным падежом: *Mori-yan Kököčü aqtačin-da'an bari'ǰu'ui* (Сок. ск., §188) '(Сэнгум) приказал своему конюху Хохочу поддержать своего коня'; *Basa Degei qoničida бүкде 'ül-i či'ulqǰu minqa mede'ülba* (Сок. ск., §222) '[Чингис-хан] поручил также чабану Дзэгэйю собрать отовсюду мянганов и управлять ими'.

В) Агенс – реальный исполнитель действия оформлен орудным падежом: *Jerü yeke ulus-i Jüke Buq-a qoyar-iyar medegülbe* (АТФ, 4186) '[Хан] приказал Джуге и Буха ведать вообще всем великим государством'; ... *Qasar-i dörben kümün-iyer sakiyulju...* (АТФ, 3808) '[Государь] повелел четырем человекам охранять Хасара...'; *Tende Tümüǰin-i tere qurim-tur kilbara keüked kümün-iyer sakiyulju bölüge* (АТФ, 587) 'На том пиру [тайчигуды] поручили охранять Тэмуджина слабосильному парню'.

III – В побудительной конструкции отсутствует агенс – реальный исполнитель действия, который предстает как некое абстрактное лицо: *Tende Qng qayan Illaburi Alin tayisi-tan degüü-ner-iyen noyad-iyar bariyuljaqui* (АТФ, 1699) 'Там Ван-хан велел изловить Илабури, Алин тайши и других своих младших братьев'; *Činggis qayan üjeǰu nigen bor-a qosiliy abčirayul Teb Tngriyin degere inu talbiyulju ...* (АТФ, 3061) 'Чингис-хан, увидев [это], приказал принести из задней юрты старую покрывку и натянуть ее над [телом] Тэб Тэнгри...'

Иногда кроме агенса – реального исполнителя действия в залоговой конструкции оказывается не эксплицитированным и сам каузатор действия, который также вычисляется из контекста: *Nökö'e buru'u yosu ügei eme gü'ün-ü üge-tür oroju Otčigin abaqa-yin ulus-un ökit abčira'ulju alji'as bolba-je* (Сок. ск., §281) 'Вторая моя оплошность состояла в том, что [я] (речь идет о Чингис-хане. – М.О.) послушался недостойной женщины и приказал доставить девушек из числа подданных Отчигин-абага'.

Однако каузируемые суффиксом *-yul/-'ul* глагольные формы участвуют не только в образовании побудительных залоговых конструкций. В ряде случаев этот суффикс оказывается не связанным с залоговыми образованиями, а выполняет словообразовательную функцию. Например, от глагольной основы *bayi-* 'быть, находиться, существовать' образовалась новая лексическая единица, новый глагол *baiyul-/bayi'ul-* 'создавать, учреждать, организовывать; строить, воздвигать, водружать': *...qan ečige tamu qamuiq ulus-i bayi'ulurun...* (Сок. ск., §254) '... когда хан-отец ваш создавал все государство...'; *Bars jil Onan-nu teri'ün-e quriju yisün költü čaqa'an tuq bayi'ulu'at Činggis qahan-na qan ner-e tende ökba* (Сок. ск., §220) '...в год Барса [они] собрались у истоков [реки] Онон, водрузили белое девятиножное знамя и там же дали Чингис-хану (Тэмуджину. – М.О.) звание «хан»'.

* * *

Кроме суффиксов *-yul/-'ul* и *-lqa* к залоговым традиционно относятся каузативные суффиксы *-ya/-ge*, *-qa/-ke*, *-ya/-'ä*. Но они не всеми исследователями монгольских языков трактуются однозначно. Так, Ц.Б. Цыдендамбаев считал их «нерегулярными моделями» в образовании побудительного залога и признавал, что «такая аттестация их носит несколько уклончивый характер, обусловленный тем, что не так просто понять роль этих суффиксов в языке» [Цыдендамбаев 1979, 93]. Г.Д. Санжеев в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» писал, что эти суффиксы «служат лишь для образования переходного глагола от непереходного» [Санжеев 1941, 65]. Однако в коллективной «Грамматике бурятского языка» в принадлежащем ему разделе «Глагол» эти суффиксы причислены уже к образующим побудительные глаголы [1962, 206-207]. Но позже во втором томе «Сравнительной грамматики монгольских языков», посвященном глаголу, автор уже категорически отрицает принадлежность этих суффиксов к залоговым. «В современных монгольских языках, – пишет ученый, – суффиксами побудительного залога являются только такие, как (по нормам старописьменного монгольского языка) *-бул* ~ *-гүл*, *-лжа* ~ *-лге* и иногда *-ба* ~ *-ге* (после некоторых глагольных основ с конечными *-л* и *-р*). Что же касается суффиксов *-ха* ~ *-ке* и *-ба* ~ *-ге* (после пассивно-глагольных основ с конечными краткими гласными), то они должны быть признаны не залогообразующими, а фактически средствами образо-

вания основ переходных глаголов от основ непереходных глаголов [Санжеев 1963, 30-31].

Р.П.Харчевникова, исследовавшая систему глагола в современном литературном калмыцком языке, относит эти суффиксы наряду с суффиксами *-ул* и *-лһ* к образующим побудительный залог, хотя и отмечает, что данные суффиксы образуют глагольные основы побудительного залога менее регулярно по сравнению с *-ул* и *-лһ* [Харчевникова 1996, 20].

Этот краткий экскурс в историю изучения указанных выше суффиксов свидетельствует, что их роль в структуре предложения оценивается учеными не адекватно. Для того чтобы оценить роль этих суффиксов в древнемонгольских текстах, приведем ряд примеров с разными глагольными основами: *...qari daru'ulun salqaya ke't'et...* (Сок. ск., §255) '[Чингис-хан] сказал: «...Победив чужеземцев, поделим их...»'; *...qamuy mongyol Tayiçiyud Onan-u Qorqoy jīgür-tür Qutala-yi qayan bolyaba* (АТФ, 346) '... все монголы и тайчигуды [собрались] в долине [реки] Онон Хорхог и избрали (сделали) Хутулу ханом'; *Çinggis qahan-a qubi ese qarqajū'u* (Сок. ск., §260) '...Чингис-хану доли не выделили'; *Ong-qan altan term-e bosqajū...* (Сок. ск., §184) 'Ван-хан воздвиг золотой шатер'; *Ökin-iyen üdeji Kürlekü dotora Senggür yoroqan-a büküi-tür kürgeji irebei* (АТФ, 706) '...[Цотан] сопровождала свою дочь до реки Сэнгур в местности Курлеку'; *Ede eçige köbegün qoyar odun baraysan ulus-i nada quriyaji öggür-ün...* (АТФ, 1821) 'Эти отец с сыном собрали и передали мне раздробленное государство'; *Basa Ögödeiqahan ügüleriün Çinggis-qahan eçige-yü'en joban bayi uluqsan ulus-i bu jobo'aya* (Сок. ск., §279) 'Угэдэй-хан сказал: «[Мы] не разрушим (не потревожим) государство, заботливо созданное нашим отцом Чингис-ханом»'.

Как показывают примеры, глаголы, каузированные данными суффиксами, не участвуют в образовании побудительных залоговых конструкций. Субъект-подлежащее в каждом из этих предложений (в некоторых случаях он не эксплицирован) не побуждает кого-то к совершению обозначенного в глагольной основе действия, а осуществляет его сам. Здесь присутствуют прямые субъектно-объектные отношения, т.е. прямой залог. Следовательно, роль суффиксов *-ya/-qa*, *-ya/-'ä* сводилась в древнем языке (также как и в современном) главным образом к образованию переходных глаголов от непереходных. От других, залогообразующих, суффиксов они отличаются и своим месторасположением в глагольной словоформе. Если перед суффиксами *-yul* и *-lyu* возможна постановка суффиксов других залогов, например, *aba+ldu+yul-* (взаимный и побудительный залогов), то вышеназванные присоединяются только к первичным непереходным основам, превращая их в переходные, например: *sita-* 'гореть, пылать' – *sita+ya-* 'поджигать, сжигать'; *asa-* 'загораться, разгораться' – *asa+ya-* 'зажигать; заводить, пускать (например, мотор)'. Если же надо выразить побудительные залоговые отношения, то уже к этим суффиксам наращиваются залогообразующие суффик-

сы *-yul* или *-lya*. Ср. предложения: *Miyui-tu kobeng uyaĵu ĵal sitayabai* (АТФ, 3086) 'Привязали (к хвостам) кошек хлопок и подожгли' и *Ĉirig ĵal sitayaquittur ĵonong ĵarliĵ bolurun: ĉirig-un tolyai-yin arbayad ĵal sitayaĵum geĵu ĵarlaĵu sitayalyaba* (АТФ, 4468) 'Когда солдаты зажгли огни, джононг приказал: «Пусть у каждого солдата загорятся по десять огней» и заставил (их) зажечь'; *Jam talbi'ulĵu ĵamiĉin ula'aĉin qarqa'asu olon ulus-a amuquĵang elĉin-e ber yabuqui-a ilubte bui* (Сок. ск., §280) 'Если, поручив установить уртонные станции, выставить проводников и ямщиков, (это) будет благо для всего народа и особенно удобно для курьеров' и ... *qahan-nu ĵarlig-tyar hon hon-tur šulen-e surug-eĉe niken silegü irge ĵa'un qonid-aĉa niken ĵusaq qonin qarqa'ulba* (Сок. ск., §280) '... по указу хана заставили (подданных) поставлять ежегодно для супов от стада по одному жирному барану, от ста овец по одной суягной овце'.

Следует отметить, что при сохранении своего основного назначения – преобразовывать непереходные глаголы в переходные, суффикс *-ya / -qa* (халх. *-ga*) может изредка участвовать в формировании побудительных залоговых конструкций, что в значительной мере определяется лексическим окружением. Наиболее характерным примером, приводимым обычно и монгольскими учеными в своих исследованиях, является предложение: халх. *Ээж дүүг долоон цагт босгов* 'Мама заставила встать (но и «разбудила». – М.О.) младшего брата в семь часов'. Это можно считать (как и в случаях наличия словообразовательной функции у суффикса *-yul*) частным проявлением основного грамматического значения этого суффикса.

Способность отдельных глагольных суффиксов (в данном случае – каузативных) выполнять как словоизменительную, так и иногда словообразовательную функции характеризует монгольский язык как имеющий такие черты, где органически переплетаются явления словоизменительного и словообразовательного характера, хотя в целом монгольские языки принадлежат к тем, в которых словоизменение и словообразование составляют две самостоятельные сферы в их грамматической структуре.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АТФ – Hans-Peter Vietze, Gendeng Lubsang, Altan Tobĉi. Eine mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts. Von Blo bzañ bstan 'jin. Text und Index. Tokyo, 1992.

Сок. ск. – Index to the Secret History of the Mongols. By Igor de Rachewiltz. Bloomington, 1972.

халх. – халхаский.

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
- Бобровников А.Л.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бямбасан П.* Орчин цаггйн монгол хэлний үйл үгийн хэв байдал // Хэл злхтол судлал. Т.VIII, 1-12. Улаанбаатар, 1970.
- Грамматика бурятского языка. М., 1962.
- Ивченко К.С.* Субъектно-объектные отношения в монгольском побудительном обороте // Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Кормушин И.В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках // Очерк сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.
- Кузьменков Е.А.* Глагол в монгольском языке. Л., 1984.
- Наделяев В.М.* Программа теоретического курса грамматики современного монгольского языка. Л., 1954.
- Орловская М.Н.* Побудительные глаголы и побудительные залоговые конструкции в классическом монгольском языке // Олон улсын монголч эрдэмтний III-р Их хурал. 2-р боть. Улаанбаатар, 1977.
- Санжеев Г.Д.* Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.
- Санжеев Г.Д.* Залог в монгольском языке // Труды Военного института иностранных языков. № 3. М., 1947.
- Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
- Харчевникова Р.П.* Система глагола в современном литературном калмыцком языке. Автореф. док. дис. М., 1996.
- Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. М., 1979.
- Цыдендамбаев Ц.Б.* Грамматические категории бурятского языка в сравнительном освещении. М., 1979.

Г Ц ПЮРБЕЕВ

КОНЦЕПТ СУДЬБЫ В КУЛЬТУРЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Под словом «культура» обычно понимается совокупность достижений общества в его материальном и духовном развитии¹. Судьба как абсолютная

¹ Ср., например, определение культуры «как совокупности достижений человечества в производственном, общественном и умственном отношении» С.И. Ожегова [Ожегов 1992, 276] и дефиницию этого понятия в книге «Язык и культура»: «Культурой называют совокупность результатов и процессов любой социальной деятельности людей» [Верещагин, Костомаров 1976, 36]. Уточненное определение дано Ю.С. Степановым: «Культура понимается как совокупность достижений людей во всех сферах жизни, рассматриваемых не порознь, а совместно – в производственной, социальной и духовной» [Степанов 1997, 13].